

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

А.Г. ЛЕВИНСОН

Капитализм и социализм как миф и легенда

В статье понятия “социализм” и “капитализм” рассматриваются как мифы, символы, сформировавшиеся частично в советский, частично в постсоветский период. Эти мифологические трактовки усиленно пропагандируются СМИ, прежде всего телевидением, и способствуют выработке массовым сознанием российского общества искаженной картины мира. В результате человек не может определить, в каком обществе он сегодня живет, каковы его цели и перспективы.

Ключевые слова: социализм, капитализм, массовое сознание, российское общество, пропаганда, миф, мифологизация общественной жизни.

In the article the concepts of “socialism” and “capitalism” are considered as myths, symbols, formed partly in the Soviet period and partly in post-Soviet period. These mythological interpretations are strenuously promoted in mass media and contribute to the development in mass consciousness of Russian society distorted picture of the world. As a result, an individual can not determine in what kind of society he lives today, what are its aims and prospects.

Keywords: socialism, capitalism, mass consciousness, Russian society, propaganda, myth, mythologizing public life.

Как жаль, теперь у нас будет капитализм столь же дрянной, сколь дрянной был социализм

Из разговора в 1990-е

Дав такое название предлагаемому ниже тексту, я хочу подчеркнуть, что поведу речь не о каких-либо реальных социально-экономических процессах и состояниях, не о политических практиках, но о символических материях. Их место – в массовом сознании и в различных формах его институционализации и опредмечивания, то есть в текстах, продуктах *mass media*, с одной стороны, и в результатах массовых опросов – с другой. Что касается массмедийных продуктов, то, говоря о них, я буду полагать их заведомо известными читателю, не делая никаких специальных ссылок. Результаты же опросов общественного мнения, напротив, постараюсь привести с известной детализацией.

Социализм как слово

Представители еще не ушедшего поколения не раз получали заверения от советских государственных инстанций и институций в том, что они живут при социализме. Большинство тех, кто это слышали, привыкли так и думать. Не для всех из них “социализм” как слово имел положительную окраску, но это слово наполнялось вполне конкретным значением. Социализм, это то, как мы живем. А то, как мы живем, и есть социализм¹.

Социализм был самоназванием, названием, которое употреблялось внутри страны, внутри так называемого социалистического лагеря, внутри всех кругов и сил в мире, лояльных СССР. За пределами этого сообщества слово “социализм” для обозначения нашего строя употреблялось гораздо реже и вообще имело существенно иное содержание. Гораздо чаще там использовалось слово “коммунизм”, но не в том смысле, какой это слово имело внутри означенного круга, а в смысле “режим коммунистической диктатуры”. Это словоупотребление в какой-то степени проникло и в современную русскую речь: выражения “при коммунистах” или “при коммунизме” стало синонимом “социализма”. Смыслы эти сугубо контекстуальны. Названные слова употребляются только тогда, когда говорящий уверен, что все поймут его намерение отнестись к нашей недавней истории, и именно к ней.

У понятия “социализм” были синонимы, подобия. Синонимом для слова “социализм” как обозначения политического режима в СССР было выражение “советская власть”, “советский строй”. Потому и пейоратив “совок” (видимо, произведенный после распада СССР от корня *сов-* в оставшихся в памяти, но утративших референтов словах типа “совхоз”, “совпартшкола”) в известном смысле есть синоним слову “социализм”.

Итак, если вести речь о современном массовом сознании жителей России как бывших жителей СССР и их потомства, можно говорить, что слово/понятие “социализм” имело своим референтом вполне определенные и разделяемые всеми содержания. В значительной мере они сохранились до сих пор, хотя приобрели и дополнительную окраску. Это обращение к общеизвестным вещам делается вынужденно, чтобы подчеркнуть: иных наполнений в семантике слова “социализм” для современного массового сознания нет. Все референты – в прошлом, при этом – коллективном прошлом, “нашем” прошлом.

Важно, что такое смысловое наполнение слова “советский” и слова “социализм” существует и для той части населения и той части носителей русского языка, которая по возрасту уже не подлежала советской индоктринации. Они получили эти смыслы не из собственного опыта, не из нормативных и дидактических текстов, а из живого общения со старшими либо из СМИ и художественных произведений. Казалось бы, в силу названных причин для этой части общества представление о социализме должно иметь иное строение, нежели то, что наблюдается у старших поколений, поживших при социализме. Ведь для молодых людей это слово обозначает не пережитую реальность, а полученную в виде готовых нарративов.

Но дело в том, что в общении с молодыми по поводу таких материй, как “социализм”, “советский строй” и т.п., старшие, как правило, выступают с позиций не частных людей, а “представителей своего поколения”. Когда эти пожилые люди оказываются в ситуации публичного воспоминания, когда они выступают от имени советского прошлого, на месте их индивидуального опыта оказывается коллективно-публичная его трактовка. Коллективное представление о социализме, о советском прошлом здесь никоим образом не является суммой индивидуальных воспоминаний. Более того, оно им в известном смысле противоположно. Индивидуальные воспоминания о советском

¹ Незначительное меньшинство решались выражать сомнение – настоящий ли это социализм, утверждать, что это не собственно социализм, каким его представляли себе классики марксизма и теоретики социализма. Пытались подобрать ему другие названия – “казарменный социализм”, “государственный социализм”, “бюрократический социализм”...

прошлое включают, как правило, моральную травму. Для одних это травма событий советской эпохи, для других это травма от крушения “советского мира”. Коллективное же представление построено как снятие травмы, замена ее на картину полного морального благополучия. Прошлое возвращено, и оно морально совершенно.

Заимствуя категории у наук о народном сознании, можно сказать, что советская эпоха и в сознании тех, кто ее застали, превращается из воспоминания в миф. Наука о мифологиях говорит, что миф – это система символических представлений и символических действий. В ней представления должны дополняться действиями (ритуалами) и реализовываться в них. Анализируя современные общественные представления о социализме и относящиеся к ним практики, действия, мы можем обнаружить эту ритуальную составляющую мифа. Ее роль взяло на себя федеральное телевидение, начав показ старых советских фильмов². Регулярность и коллективность телесмотрения, его вписанность в повседневность на правах неповседневного позволяют ему играть эту роль³.

Вот так телевидение с его природой коллективного и регулярного действия сыграло роль ритуала. При его поддержке коллективная семантика советского твердо оформилась в виде мифа. Миф, как ему полагается, стал всеобщим. Это миф старшего поколения, оформленный как государственный. Он – а не личный опыт отцов и дедов – передан молодому поколению и усвоен им. Подчеркну, я считаю ритуалом собственно практику показа советских фильмов, ее форматы, периодичность, а также такие атрибуты этих фильмов, как их специфическая акустика и оптика, приемы монтажа, титры и прочие формальные признаки, позволяющие опознавать их как “наше” кино, вне зависимости от конкретного его содержания. Для ритуала характерно регулярное обращение к соответствующей совокупности символов. Важно, что ритуал осуществляется в рамках установленной в советскую/социалистическую эпоху системы коммуникации “власть–население”. От центрального сверхавторитетного коммуникатора (ЦК, правительство, власть, “они”) директивные импульсы распространялись на все население страны. Так работало Центральное телевидение, таковы же формальные признаки работы современных “больших” федеральных каналов. Их охват составляет 85–90% населения страны. Сходство транслируемых ими содержаний подталкивает массового зрителя к их трактовке в качестве единого коммуникатора. Применительно к политике показа советских фильмов это еще более верно.

В итоге для всего коллективного и публичного дискурса характерно одно и то же: там произошла элиминация личных воспоминаний о советском – и в этом смысле

² Показ советского кино в раннепостсоветскую эпоху, во многом еще наполненную пафосом отказа от советского прошлого, от социализма, был когда-то находкой, уловкой менеджеров телевидения, позволявшей им решить некоторые проблемы, в том числе экономического характера (прокат этих фильмов не стоил телекомпаниям ничего). Неожиданный успех данного приема в ядерной телеаудитории, называемой на профессиональном жаргоне “ж. 45+”, привлек внимание собственно телеспециалистов, а затем и тех, кто решили использовать телевидение в качестве инструмента управления обществом. Напомню, в первые постсоветские годы пресса, радио, телевидение играли роль самостоятельного агента массовой социальной коммуникации, в частности – информационной. Именно к этой их функции по праву приложимы названия *mass media*, “средства массовой коммуникации (СМК)”, “средства массовой информации (СМИ)”. Сохраняющееся употребление аббревиатуры СМИ в применении к современной прессе и телевидению в этом смысле утратило адекватность и теперь прикрывает их роль агента управления обществом. Массовое сознание, впрочем, вполне отдает себе отчет в подобной роли телевидения и даже склонно преувеличивать его манипулятивную способность. Широко распространено мнение, что с его помощью можно внушить людям “что угодно” и подвигнуть их “на что угодно”. Таким образом телевидение выполняет функцию ритуальной поддержки не только ретромифа, но и актуального мифа общества, его самопредставления как лишенного субъектности, абсолютно зависимого от властей.

³ Идеи о сходстве телесмотрения и участия в религиозных отправлениях высказывались не раз. Я имею в виду не эти общие моменты, а специфическую роль телевидения РФ, которую оно стало играть, начиная со второй половины 1990-х гг в формировании и поддержании советского мифа. Отмечу, что конкретное содержание советских фильмов или песен имело при этом гораздо меньшее значение, чем факт их регулярно и одновременно предъявления аудитории, включавшей напрямую значительную часть постсоветского общества, а косвенно – все общество.

о социализме – и формирование единого мифа. Без особых натяжек к этому мифу приложимо название “золотой век”.

Суждения и рассуждения о социализме, о советском прошлом функционируют как оппозиция нынешнему постсоветскому не-социалистическому времени. Этот мифологизированный социализм обладает полнотой по контрасту с настоящим, которое характеризуется дефицитами. (В индивидуальной, немифологизирующей памяти все наоборот.)

Главные дефициты настоящего – отсутствие бесплатного образования, бесплатно здравоохранения, бесплатного жилья, отсутствие стабильности цен. Отсутствуют пионерская и комсомольская организации, летние пионерские лагеря. В том же ряду отсутствующих находится Советский Союз как образец дружбы народов. (“Жили все вместе, никто не спрашивал, какая национальность...”) Не было, считается, такой “пропасти между богатыми и бедными”. Еще один мифологизированный атрибут этого времени – приписываемая ему важная роль коммунистической идеологии. В массовом сознании это выражается формулой: “Тогда все хоть во что-то верили”. Имеется в виду, что верили в “победу коммунизма”. (Отмечу поразительный факт: мечты идеологов социализма/коммунизма, позиция советского официоза, концепция советского строя как идеократии, потерпев фiasco в 1991 г., неожиданно восторжествовали в массовом сознании в двухтысячные годы.)

Перечисленные социальные формы и образуют в современном массовом понимании феноменологию социализма. Все они помечены в массовом сознании как сущности абсолютно позитивные. Их отсутствие – признак нынешней реальности. Я имею в виду не только то, что в нынешней жизни нет (или считается, что нет) соответствующих институтов, но что для массового сознания россиян их отсутствие есть знак, так сказать, “грубой реальности”, “этой жизни”, тогда как их наличие в воображаемом прошлом – признак всеобщего счастья, характерного для мифологического золотого века, сна⁴.

В отношении этого прошлого указанные социальные блага и институты выступают не в своей инструментальной функции, но в качестве гарантов или средств обеспечения иной моральной действительности, иных нравов. “Золотому веку”, как полагают, приписывают отсутствие антагонизмов, обеспечение социальной гармонии и, особо подчеркну, существование социальной тотальности. “**Все** дети учились в школе”, “**Все** ездили в пионерские лагеря”, “**Никто** не спрашивал, какая национальность”.

Миф существует не сам по себе: он глубоко функционален и обслуживает современную действительность. Поэтому он построен на противопоставлении реальности, образует платформу для ее критики, для морального укора в ее адрес. Он же образует пространство для эскейпа, для “отдыха души”, если таковой требуется. Мифологическая реальность, как ей и полагается, лишена противоречий, они в ней сняты или легко снимаются с помощью мощных медиаторов.

Здесь следует обратиться к материям, далеким от ритуально-мифологической проблематики. Постсоветские правительства и их экономическая политика заслуживают названия “либеральных” в очень узком значении этого слова. Вне зависимости от того, что российское государство определяется в его Конституции как социальное, его правительство проводило политику либеральную в том смысле, что общество, в отличие от советского строя, не находится на иждивении государства, но его субъекты самостоятельно решают экономические вопросы своего существования. “Сброс социалки”, массовым порядком осуществленный крупными предприятиями сразу после их приватизации, стал одним из важнейших шагов в этом направлении. Далее был осуществлен государством перевод здравоохранения на страховую основу, допущена возможность продажи образовательных услуг.

⁴ В этом смысле социализм стал ретроутопией. Можно полагать, что этому социалистическому прошлому массовое сознание придало ряд атрибутов коммунистического будущего как царства социальной гармонии.

Расставание с советским социализмом состоялось. Для той – относительно небольшой – части населения, которая сама оказалась занятой в новом частном секторе экономики и при этом на ролях относительно активных участников, стала получать сравнительно большие доходы, новые условия были адекватны и позволили приобретать бывшие “бесплатные” социальные блага в форме платных услуг. Вскоре к этому контингенту частично присоединились государственные служащие, прежде всего из федеральных учреждений, где была установлена относительно высокая заработная плата, обеспечивавшая им высокую покупательную способность на этих новых рынках. (Часть благ и услуг эти служащие стали получать в качестве внутрикорпоративных бонусов и льгот.)

В то же время оставалась значительная доля населения, продолжавшая трудиться в нереструктурированных сегментах экономики. Напомню, что даже в приватизированных отраслях и на предприятиях новые собственники часто находили более выгодным не менять ни технологии, ни оборудование, ни, главное, строй производственных отношений, сохраняя “советскую” обстановку и “советские” порядки для работников.

Оставалась, что особенно важно, и другая значительная часть населения – пенсионеры. Для них практически все преобразования 1990-х гг. обернулись лихом. И предложенное определение 1990-х как “лихих” адресовано именно им. В их сторону власть и развернула жерло монополизированного ею телевидения. Советское кино на постсоветском телевидении, повторю, начиналось как нишевое, но его первый успех у этой, демографически большей и электорально важной части аудитории подсказал превращение такого показа в социальный инструмент для взаимодействия верховной власти с данной частью населения, а затем и с населением в целом. Несоциалистическое государство принялось практически использовать социалистическую символическую систему.

Государство посредством телевидения предприняло в начале 2000-х гг. замечательный в своем роде ход: советское прошлое, бывшее укором власти, превратили в официоз, в высказывание от ее имени. Власть отказалась от своего “демократического” происхождения и стала возводить себя к позавчерашнему советскому прошлому. Оговорюсь, однако, что этот идеологический пируэт (“загогулина”, по Б. Ельцину) произведен почти исключительно в имиджевой сфере. Его исполнители избегают (пока) идеологических формулировок. Поэтому реабилитация и реставрация образности советской и социалистической эпохи обошлась (пока) без обращения к слову “социализм”. Но авторитет этого слова данные акции косвенно поддерживали. Потому не удивительны результаты опроса 2004 г.⁵; согласно которым на вопрос, “какой общественный строй вы считаете наиболее подходящим для нашей страны?”, 26% выбрали вариант ответа “Социализм советского типа (как был в СССР)”, а 17% – «Гуманный социализм “с человеческим лицом”», 22% предпочли “Строй, в котором сочетались бы черты социализма и капитализма”, 12% – “Капитализм (как в Западной Европе и США)”. Для 7% лучшим оказался вариант “Жесткий социалистический режим с рынком и частной собственностью (как в Китае)”, а для 4% – «“Соборный”, на основе православных традиций» (1% не нашли в предложенных ответах устраивающий их вариант, а 11% затруднились ответить).

Формулировки ответов, предложенных в данном опросе исследователями, могут не устроить специалистов по соответствующим политическим доктринам. Однако аудиторию, которой был обращен опрос, они устроили. Как видим, 9/10 не затруднились с пониманием или выбором ответа. Предложенные формулировки покрыли практически все поле обсуждаемых в обществе вариантов. Со стороны публики лишь один человек из 100 предлагал что-то иное.

⁵ Опросы общественного мнения, результаты которых приводятся ниже, были осуществлены коллективом, работавшим с 1988 по 2003 г. в рамках ВЦИОМ. В дальнейшем и по сей день он работает как Аналитический центр Юрия Левады. Все данные взяты из всероссийских опросов, выполненных по выборке, репрезентативной для населения 18 лет и старше.

**Ответы на вопрос “Государством какого типа вы бы хотели видеть Россию в будущем?”
в разных возрастных группах (в %)**

Выбрали ответ люди в возрасте (лет)	18–24	25–39	40–54	55 и старше
Империей, монархией, подобно той, какой была Россия до 1917 года	4	2	4	4
Социалистическим государством с коммунистической идеологией	4	4	16	22
Государством с рыночной экономикой, демократическим устройством, соблюдением прав человека, подобным странам Запада, но со своим собственным укладом	43	31	30	19
Государством с совершенно особым устройством и особым путем развития	15	22	20	22
Мне все равно, какой тип государства будет в России, мне важно лишь, насколько хорошо буду жить я и моя семья	29	33	26	26
Затрудняюсь ответить	5	8	4	7

Итак, сторонников “чистого” капитализма оказалось 12%. Сторонников разных форм социализма – более 50%. При этом половина из них выбирают знакомый по реальному или воображаемому прошлому советский социализм, остальные – тот, которого мы никогда не пробовали.

Близкий по содержанию вопрос задавали россиянам 10 лет спустя, в апреле 2014 г.: “Государством какого типа вы бы хотели видеть Россию в будущем?”. Из предложенных вариантов ответов 28% выбрали “государство с рыночной экономикой, демократическим устройством, соблюдением прав человека, подобным странам Запада, но со своим собственным укладом”, 21% – “государство с совершенно особым устройством и особым путем развития”, 13% – “социалистическое государство с коммунистической идеологией”, 3% – “империю, монархию, подобно той, какой была Россия до 1917 года”. Для 28% все равно, какой тип государства будет в России, важно лишь, насколько хорошо буду жить я и моя семья, а 7% затруднились ответить.

Сравнение результатов показывает, что социализм как строй сохранил привлекательность для менее чем одной восьмой взрослого населения. Выделить долю сторонников “чистого” капитализма предложенные формулировки не позволяют (их ответы – внутри первого и последнего из содержательных ответов). Но можно констатировать, что на место социалистической утопии в сознании россиян встала утопия “особого пути” – теперь отсылающие к ней варианты ответов выбрала половина опрошенных.

Если посмотреть, как ответили на эти вопросы люди разного возраста, то увидим следующую картину (см. табл. 1). Нетрудно заметить, что установки младшего и старшего поколений значительно различаются. Видно также, что водораздел в отношении к социалистическому укладу пролегает через возраст в 40 лет. Можно было бы подумать, что разделились те, кто встретили 1980-е и 1990-е гг. взрослыми, и теми, кто их моложе. Но и 10, и 20 лет назад 40 лет были рубежом для смены “молодежного” взгляда на позицию “пожилых”. В этом смысле взрослый, социально активный возраст (условно говоря, 20–50 лет) оказывается в смысле мировоззрения не основным и доминирующим, а невыраженным, поделенным между двумя более культурно-определенными дискурсами младости и старости.

Итак, социалистический уклад наиболее ценен для старшего поколения. У молодежи тяга к нему, равно как и к укладу Российской империи – удел маргиналов. Оба времени для этого поколения легендарны. Среди молодых безусловно доминирует “капиталистический выбор” с таинственной добавкой в виде “собственного уклада”.

Как показывают другие исследования Левада-Центра, идея собственного уклада и собственного пути в высшей степени популярна у современных россиян. Ее появление можно связать с провалом надежд конца 1980-х – начала 1990-х гг. на то, что России удастся за короткое время стать “нормальной страной”, войти в “европейский дом”. Провалились и надежды на обретение “шведского социализма”, казавшегося россиянам идеалом сочетания всех материальных преимуществ развитой капиталистической экономики с присущей “хорошему” социализму социальной справедливостью.

На место надежд последовать уже известным путем, достижения и характеристики которого можно посмотреть на экране или своими глазами, съездив в эти страны, пришли надежды на путь неведомый, которым никто не шел. Что ждет на этом пути, россияне не знают и, как выясняется в ходе исследований, не склонны задумываться над этим. Как говорилось выше, идея собственного пути понадобилась, чтобы уйти от травмирующего сравнения собственных достижений с достижениями стран, принятых за образец.

При этом для молодых людей, в принципе более склонных принять ряд ценностей и стандартов западной культуры, слова про “собственный уклад” служат средством идеологической разгрузки. Они обещают: сколько бы мы ни перенимали у Запада, мы не утратим собственную идентичность, потому что у нас сохранится “наш уклад”, в чем бы он ни выражался. Для старшего поколения идеологема “особого пути” играет роль не дополнения к капитализму, а напротив, главного компонента в концепции и будущего, и прошлого. Словом “особый” блокируются критика и анализ, обеспечивается примирение с наличной действительностью, с прошлым и с перспективой, сколь бы тягостными таковые ни были. Эта форма широко известной способности “притерпеться”. (Тут мы видим пример “снижающей адаптации” как стратегии “советского человека”, о которой много говорили Ю. Левада и его коллеги.)

Капитализм при социализме

Интересно отметить, что слово “капитализм” при социализме имело гораздо более широкое хождение, нежели после развала социалистического порядка и возникновения порядка другого, который иногда и называют “капитализмом”.

Это слово и соответствующее понятие при социализме (то есть в СССР и социалистическом лагере) выполняли важнейшую функцию обозначения политического противника и шире – реальности, которая полагалась противоположностью “нашей” во многих аспектах, чуть ли не в первую очередь – этическом. Капитализм (так называемые “капстраны”) был иным миром, зазеркальем и (еще раз употребимо это понятие) мифом тех лет.

Ритуалы поддержания данного мифа были многообразны. Это и поездки за рубеж с сопровождавшими их глубокоритуальными действиями по проверке, накатке, контролю лояльности и пр. Это и нелегальный и легальный импорт атрибутов “их” жизни, и подпольное распространение этих атрибутов у “нас”. Это и многочисленные, также ритуальные, формы “борьбы с буржуазной идеологией”, с “влиянием Запада”. С культурологической точки зрения эти процессы описываются как варианты культурного контакта, включающего культурные заимствования, их акцепцию и адаптацию. Отмечу историческую особенность этих универсальных культурных процессов. Они сыграли очень важную роль в переломные 1990-е гг.

“Культурные заимствования” у капитализма социализмом были важнейшей частью стратегии существования последнего. На легальном и нелегальном заимствовании “западных” технологий строилась промышленная политика всего периода “догоняющего развития”. “Россия всегда доншивала шляпки, выброшенные Европой” – это расхожее выражение, относя его к сфере идеологии, с укоризной употреблял еще В. Ленин – до победы социализма.

Дело не изменилось и после победы, в том числе окончательной. Но оно приобрело особую форму. Нормы морали, идеологемы, концепции общества, рожденные “в мире

капитализма”, проникали в “мир социализма” в специфически превращенном виде. Они вносились через специальные каналы критики, где получали пометку “чуждых”, “враждебных”. Важно, что “капиталистический Запад” в глазах как элит, так и масс, сохранял роль и своеобразного идеала, образца, на который равнялись в том числе и те, кто надеялись его превзойти, обогнать и победить. Однако, если сведения о практической и технологической части жизни поступали в мир социализма напрямую в виде реальных образцов, товаров, изделий, технологий, то сведения о социальных отношениях приходили через фильтр “идеологической борьбы”, упоминавшейся “критики”. К этой, вносящей свои существенные искажения системе передачи информации надо добавить систему декодирования сигнала, выработанную массами. Меняя знак, переводя ярлык “если буржуазное, то заведомо плохо”, на “...то заведомо хорошо”, обывательское сознание, как позже выяснилось, сформировало глубоко первертный образ капитализма, в котором зло объявлялось благом. Эксплуатация человека человеком, господство чистогана, богатство как главное мерило человека и общества, все эти, как и производные от них моральные оценки капитализма, были восприняты массовым сознанием в буквальном смысле амбивалентно. Это отрицаемые нами черты, но к этому капитализму мы стремимся.

Капитализм как легенда

После 1991 г., когда социализм и коммунизм как цели общества были отменены, для большинства капиталистическая альтернатива стала неизбежной – желанна она или нет. Для тех, кто такую альтернативу приняли как позитивную, описанный образ капитализма и его морали автоматически стал положительным образцом⁶. Я склонен именно этим объяснять многие функционально не обязательные черты поведения нового предпринимательского сословия, наших капиталистов. Карикатурность их “буржуазных” замашек буквальна, поскольку идет от переозначенного восприятия буржуазности через карикатуры “Крокодила” и других советских изданий.

Выше я воспользовался понятиями мифоведения для того, чтобы обосновать использование термина “миф” в применении к социализму. Теперь хотелось бы заимствовать из того же арсенала понятие “легенда” и приложить его к комплексу существующих у наших соотечественников и современников воззрений на капитализм. Важное в данном случае отличие легенды от мифа заключается в том, что легенда есть нарратив, который существует без связи с ритуалом. Точнее, ритуалом является сама нарративная повтора, воспроизводство этого нарратива в ходе коммуникации. Как и миф, легенда имеет важные социальные функции, обеспечивая воспроизводящему ее коллективу определенный символический комфорт, подтверждая его идентичность, устойчивость во времени. Важное свойство легенды – ее замыкание в самой себе, ее автономность от всех иных действительностей и практик. Как я сейчас покажу, легенда капитализма именно так и существует, вне всякой зависимости от капиталистических практик.

В течение 20 с лишним лет, с 1991 г. и по 2012 г., исследовательская группа, объединенная авторитетом Ю. Левады, задавала россиянам вопрос о том, как они воспринимают слово “капитализм”. В силу ряда технических обстоятельств (различие в построении выборок, технологии опроса и иногда в нюансах формулировки), строгое

⁶ Следует оговорить одно исключение. В конце 1980-х гг. существовала идея и даже практика построения рыночной (в этом смысле капиталистической) экономики “снизу”, через кооперативы, объединявшие вольных предпринимателей. Ими владели идеи социального блага (а не извлечения прибыли) как главной цели. Каковы были бы моральные формы выросшего на такой основе капитализма, и мог бы он вырасти, сказать невозможно, поскольку ростки данного движения были уничтожены стихией “дикого” капитализма первой волны. Аналогична и судьба первых предприятий цивилизованного капитализма, возникавших преимущественно там, где был наиболее непосредственный контакт с современной западной экономической и культурной действительностью.

Как россияне воспринимают слово “капитализм” (в %)

	1991 г.	2012 г.
Положительно	29	28
Отрицательно	37	51
Затруднились ответить	34	21

Таблица 3

Как вы относитесь к тому, чтобы в нашей стране частным лицам принадлежали крупные заводы и фабрики (в %)

Годы	1990	1991	1993	1994	1995	1996	1997	1998	2000	2002	2005	2007	2011
Положительно	26	26	22	19	18	17	21	26	20	25	24	20	20
Отрицательно	52	53	60	62	63	64	63	65	72	70	70	73	73
Затруднились ответить	22	21	18	19	19	19	16	9	8	5	6	7	7

Таблица 4

Как вы относитесь к тому, чтобы в нашей стране иностранным гражданам и компаниям принадлежали крупные заводы и фабрики (в %)

Годы	1990	1991	1993	1994	1995	1996	1997	1998	2000	2002	2005	2007	2011
Положительно	17	17	7	7	7	7	6	8	11	5	8	6	8
Отрицательно	67	68	81	81	81	80	85	78	82	87	88	88	88
Затруднились ответить	16	15	12	12	12	13	9	14	7	8	4	6	4

сравнение результатов не представляется возможным, но в целом результаты получились следующие (см. табл. 2).

Результаты опросов, проведенных в другие годы этого двадцатилетия, позволяют с уверенностью говорить: ответов россиян о том, что слово “капитализм” они воспринимают отрицательно, всегда в 1,5–1,3 раза больше, чем ответов о положительном восприятии (впечатлении от) этого слова. Что касается динамики, то она налицо: за два десятилетия существования рыночных – в этом смысле капиталистических – форм хозяйствования отношение к их названию ухудшилось в полтора раза. Отношение к слову, связанному с несуществующими социалистическими формами, напротив, осталось неизменным. Тот же исследовательский коллектив выяснял отношение россиян к формам собственности, которые, как было принято считать, характерны для капитализма (см. табл. 3, 4).

В 1990 г. соотношение ответов лиц, отрицательно и положительно относившихся к возможности частным лицам владеть крупными предприятиями, составляло 2:1. Два десятилетия спустя оно приблизилось к соотношению 4:1. Отношение к тому, чтобы такая возможность существовала для иностранных граждан и компаний, изначально было более негативным. Перевес отрицательных ответов в 1990 г. был 4:1, в 2011 г. он составил 11:1.

Идеологический характер этих представлений очевиден. За период в 20 лет, если что и изменилось в структуре собственности на крупные предприятия, то это была концентрация капитала, во-первых, и рост числа предприятий полностью или частично принадлежащих иностранным лицам и компаниям, во-вторых. Сенсационность существования российских миллиардеров и умножения их числа успела сойти на-нет. И отношение российской общественности к “своим” сверхбогатым людям достаточно терпимое. Но идеологическая антикапиталистическая установка лишь крепла.

Россияне привыкли к тому, что товары повседневного спроса под иностранными марками производятся внутри страны. Это значит, что число заводов и фабрик, принадлежащих иностранному капиталу, растет. В СМИ постоянно обсуждается вопрос об иностранных инвестициях и по большей части в том смысле, что их увеличение – благо для страны. Противоположные мнения высказываются крайне редко, они маргинальны.

Общественное же мнение по названным вопросам развивается иначе: неприятие иностранной собственности на отечественные заводы и фабрики только растет. Можно полагать, что вообще дискурс о капитализме и крупном капитале – легенда о капитализме – существует в некоем ином пространстве. Не там, где производится, продается и покупается изготовленная в России промышленная продукция, практически целиком произведенная на частных предприятиях, как правило, с тем или иным участием иностранного капитала. Пространство производства и потребления – это пространство повседневности, пространство прилавков, улиц, рекламы. Дискурс о собственности существует не там. Он парит в пространстве идеологических доктрин. Одна – советская социалистическая, другая – советская патриотическая.

Там идет борьба, в которой, с одной стороны, – “мы”, а с другой – наши идеологические противники – капиталисты, прежде всего иностранные. Почему накал этой борьбы растет, антикапиталистический градус повышается? Вряд ли это связано с прогрессом концентрации капитала и ростом иностранных инвестиций. Скорее, парадокс объясняется той по преимуществу левой (в терминах современной политической культуры) популистской линией, которую ведет на протяжении почти всего этого времени правительственная пропаганда. Это линия на идеологическую реставрацию и реабилитацию “советского”.

Не вдаваясь в детали, отмечу, что она линия формируется за счет политического ограбления собственно левых – КПРФ и других коммунистических сил, с самого начала 1990-х гг. занимавших эти ретроориентированные просоветские позиции. Патриотический компонент частично одобрен продуктами, подготовленными в экспериментальной политической лаборатории, роль каковой играет руководство ЛДПР, частично взят у внепартийных центров, специализирующихся на патриотической тематике. Далее эта смесь оформляется как послание от центральных властей. Авторитет Центра и “верха” ему придает уже сам канал – центральное телевидение. Повторю, из исследований хорошо известно, что три главных телевизионных канала публично – вполне справедливо – расцениваются как государственные.

Восстановление контроля высшей федеральной власти над федеральными телеканалами с их восьмидесяти–девяностопятипроцентным охватом населения было важнейшим шагом для восстановления схем символического управления, символической коммуникации советского образца. Это позволило выстроить советскую символическую действительность над вполне пост- и не- советской реальной жизнью.

Ранее я говорил о господстве советских фильмов и имитирующих советское ретроформ на телевидении. Добавлю, что в полном согласии с известным тезисом о том, что *the medium is the message* сама, установленная (восстановленная) советская система символических отношений вещателя и аудитории делает советскими и любые содержания, передаваемые по этому коммуникационному каналу. Я имею в виду, что для аудитории передаваемые по центральным телепрограммам сообщения любого характера – от политических заявлений первых лиц до шуток экранных юмористов и предсказаний астрологов – имеют статус прямого или косвенного изъявления властной воли, несут ее санкцию. Даже шумная общественная дискуссия по поводу “засилья” американских фильмов, в том числе мультфильмов, на нашем телеэкране, по сути дела, связана не с их содержанием, а с вызывающим дискомфорт у зрителей фактом, что “чужая”, по-старому – буржуазная, продукция получает эту санкцию, то есть оказывается не только разрешенной, но в своем роде предписанной нашему

Как бы вы отнеслись к тому, чтобы в нашей стране частным лицам принадлежали:
(в %, 2011 г.)

	Небольшие предприятия	Крупные заводы и фабрики
Положительно	76	20
Отрицательно	19	73

Таблица 6

Как бы вы отнеслись к тому, чтобы в нашей стране частным лицам принадлежали:
(в %, 2011 г.)

	Небольшие участки земли	Крупные земельные участки
Положительно	75	21
Отрицательно	21	72

советскому зрителю. (В качестве зрителя ему полагается чувствовать себя советским, быть советским.)⁷

Таким образом не просто консервируется, но наделяется жизнью особое мифологическое пространство-время, компенсирующее моральные и символические дефициты реальности для тех, для кого эта реальность неприемлема. Там можно мысленно отвергать капитализм как право частной собственности на “наши” заводы и фабрики.

Сознание, пребывающее в этом искусственном мире, кажется решительно антибуржуазным. Но вот рядом с уже обсуждавшимися реакциями мы видим ответы на вопрос о собственности не крупной, а мелкой, о частных небольших предприятиях типа мастерских, кафе, парикмахерских и т.п. (см. табл. 5).

И здесь по сравнению с данными таблиц 3 и 4 ответы зеркально-симметричны. Подобная же ситуация при опросе об отношении к мелкой и крупной земельной собственности (см. табл. 6).

Обобщая результаты, можно с уверенностью сказать, что три четверти россиян в возрасте 18 лет и старше выступают за право частной собственности на небольшие предприятия и небольшие участки земли, столько же (по-другому, они же) высказываются против того, чтобы частные лица могли владеть крупной земельной собственностью и крупными предприятиями. Противоположные мнения высказывает одна пятая опрошенных.

Исследуя более детально распределение этих мнений по разным категориям российского населения в 2011 г., мы видим, что среди старшей молодежи (25–39 лет) за возможность владения небольшими предприятиями выступают не 75%, а 85%. Почти так же высок уровень поддержки этих идей среди людей с высшим образованием и людей с относительно высокими доходами. Впрочем, обе эти категории чаще (почти 30%), чем остальные граждане, дают согласие на то, чтобы была разрешена и крупная частная промышленная и земельная собственность. Обратная тенденция характерна для пожилого, менее образованного и бедного населения. В их среде не три четверти, а две трети согласны, чтобы существовала мелкая частная собственность. Но они же на уровне около 80% выражают протест против крупной частной собственности в промышленности и в аграрной сфере.

Если выше я показал настроения “антикапиталистические”, то теперь надо скорректировать название. Налицо идеологические установки, которые можно назвать мелкобуржуазными. Такой результат не менее парадоксален, чем антикапитализм при

⁷ Здесь следует напомнить о многолетних исследованиях, инициированных Левадой в рамках проекта “Советский человек”. Левада и его коллеги обнаружили средствами массовых опросов факт восстановления советских ментальных структур и ценностных установок у жителей постсоветской России.

капитализме, поскольку мелких буржуа у нас в десятки раз меньше, чем носителей этой мелкобуржуазной установки.

Говоря точнее, мелких (и средних) предпринимателей в российском обществе в 25 (двадцать пять) раз меньше, чем лиц, выразивших такие установки. Представители малого и среднего бизнеса не стали в нашем обществе средним классом, таким, какой нам известен из рассказов про западное (капиталистическое) общество, где он как раз включает две трети – три четверти населения.

По рассказам, в западном обществе тоже не жалуют крупные монополии, латифундистов, но конечно, считают нормой право каждого человека на собственное дело или собственный участок земли. Но то – мировоззрение людей, среди которых таких собственников много, где строй поощряет гражданина быть частным собственником. Наши граждане живут в среде, где, как известно из рассказов тех, кто имеют свое дело или пробовали его завести, сопротивление частной инициативе велико. Оно есть в обществе (несмотря на обсуждаемые декларации), еще больше его во власти⁸.

Рассмотрение анализируемых данных в ретроспективе также заставляет думать о парадоксах. Опросы накануне реформ демонстрировали высокую готовность людей признавать мелкую частную собственность и такую же неготовность признавать крупную. Для жителей СССР, можно было подумать, идеалом оказывался опыт некоторых соседей по социалистическому лагерю (например, КНР и ГДР), где существовали частные мастерские и т.п., но все крупные предприятия были государственными.

Затем состоялись реформы, была принята новая Конституция, частная собственность стала юридически доступна всем гражданам страны. На баланс ответов на обсуждаемые вопросы это не повлияло. Далее в стране возник класс крупных собственников. “Новые русские” стали объектом, пусть и во многом критического, но внимания общества. Затем в центр внимания попали владельцы еще более крупных состояний. К ним прилепилось слово “олигархи”⁹. К некоторым из них или к ним как к типу общественное мнение иногда проявляет благосклонность. (На вопрос “как вы относитесь к людям, которые имеют миллионы?” второй по частоте ответ – “не имею ничего против, если они заработаны честно”.) Притом, что число миллионеров и миллиардеров в нашей стране росло, на те позиции публики, которые выражаются в ответах на обсуждаемые вопросы, это никак не повлияло. Три четверти продолжали давать ответ, что они против частного владения заводами и фабриками. На селе, как указывают специалисты, идет процесс концентрации земельной собственности, огромные земельные владения – не исключение, а правило почти во всех частях страны. Но общественное мнение в отношении крупной земельной собственности занимает те же позиции, которые занимало тогда, когда таких владений не было и в помине.

Все это сказано для того, чтобы призвать читателя подивиться, как устойчиво присутствует в массовом сознании та самая мелкобуржуазность, с которой без особого успеха боролся Ленин. Правда, она существует как идеологическая, ценностная установка, не претворяясь в практику. Можно назвать нынешних правителей продолжателями дела Сталина, поскольку борьбу с мелкобуржуазной собственностью они ведут достаточно результативно. Сталин боролся с НЭПом, нынешние власти прижимают мелкий бизнес.

⁸ В отношении мелкой земельной собственности дело обстоит иначе. Во-первых, число людей, имеющих (то есть считающих своей собственностью) небольшие участки земли многократно больше числа владельцев мелких предприятий. Не говоря о жителях села, имеющих и приусадебный участок и – во многих случаях – свой земельный пай, существуют миллионы горожан, владеющих на тех или иных основаниях “садовыми” и другими участками. Но по большей части эти участки не используются для производства прибыли. Их хозяев можно называть буржуа только с той же политической натяжкой, с какой большевики зачисляли в мелкую буржуазию российских крестьян.

⁹ Не забудем, что словарное значение термина “олигархия” – власть немногих. Наших олигархов много, но что власть отнюдь не у них, и им, и нам демонстрировали не раз.

Процессы современной истории в России частично укладываются в схему, некогда сформулированную А. Безансоном. Чередование фаз, которые он условно назвал “НЭП” и “военный коммунизм”, происходит на протяжении длительного периода российской истории. НЭПом он назвал периоды относительной свободы, расцвета массового предпринимательства, инициатив. В обществе накапливается капитал (см. например, [Besançon, 1981]). В отличие от “стран капитализма”, где этот процесс – основной тренд, в России он регулярно прерывается вмешательством государства. Последнее экспроприирует накопленный капитал и направляет его на собственные нужды, прежде всего военного и политического характера. Экспроприация продолжается до полного истощения общественного ресурса. И тогда государство отступает, общественные силы снова получают волю и начинается следующая фаза восстановления и накопления. (Безансон отмечал, что и во внешней политике России чередуются периоды относительной жесткости и относительной мягкости.)

Безансон сделал это открытие более 50 лет назад. Время, прошедшее с тех пор, несколько раз принесило подтверждения правильности его выводов, а также позволило дополнить его соображения. Для целей настоящей работы можно было бы заменить условные названия фаз, взятые Безансоном из определенного момента российской истории, несколько более общими категориями, такими как “капитализм” и “социализм”. Мера условности их употребления даже меньше, чем для терминов “НЭП” и “военный коммунизм”. Кажется важным указать, что обнаруженный механизм лишь на первый взгляд представляется вековечной борьбой социалистического и капиталистического начал, государства и общества. Анализ показывает, что в той совокупности институтов, которую мы зовем “государство”, есть одни, ориентированные на названные выше милитаристические цели, на поддержание жесткого авторитарного или тоталитарного режима. Но наряду с ними имеются и институты, специализирующиеся на мягкой политике, на поощрении общественных инициатив. В свою очередь, в культуре российского общества есть программы самодеятельности, индивидуальной инициативы, предпринимательства. Но в ней же присутствует традиция государстопоклонства, вручения социальными субъектами себя государству и ожидание его попечения о себе, делегирования всей ответственности начальству, и т.п.

Все указанные векторы хорошо известны, соответствующие социальные ситуации и социальные типы описаны в художественной литературе. Интересно указать на то, что, помимо поочередно доминирующих институтов и человеческих типов, специализированных на исполнении конкретных ролей консервативно-охранительного и либерально-предпринимательского характера есть, так сказать, нейтральное тело общества, его человеческое большинство, не принадлежащее ни к каким типам. Описанные Безансоном циклы – это ситуации, когда вышеназванное нейтральное тело общества (большая или меньшая его часть) склоняются к той или иной тенденции. Так, “обычные люди” становятся на время то активными предпринимателями, сторонниками личных прав и свобод, то государственниками, поддерживающими милитаристский курс, политику “закручивания гаек” и т.п. Именно это массовое участие то в одном, то в другом движении создает специфику России. (Наличие собственно консерваторов и либералов, “ястребов” и “голубей” – универсально.)¹⁰

Есть, однако, одна существенная черта отличия от безансоновской классической модели того “военного коммунизма” (либо “социализма”), который как фаза наступил в последние месяцы или год-два. Бюрократия (массовая – малая и средняя) всюду преследует бизнес, но только малый и средний. Крупный и крупнейший бизнес также испытывает давление со стороны бюрократии – соответственно, крупной и самой крупной – и от тюрьмы/сумы не застрахован ни один из “олигархов”, но мало кто ждет, что власть уничтожит крупную буржуазию как класс.

¹⁰ Примечательна и другая особенность российской политической культуры. Смена фаз как смена курса часто связывается с переменами в руководстве страны. Действительно, с уходом одного лидера его преемник часто предлагает альтернативную политическую систему. Но бывает, что смена фаз происходит при одном и том же руководителе.

Нашу картину делают не-классической два момента. Из них – первый и главный – заключается в том, что бюрократия в разных формах сплелась с буржуазией. Будучи безусловно господствующим классом, гегемоном нашего общества, бюрократия, помимо простого обложения (рэкета, как говорится) капитала, либо навязала ему свое участие в прибылях, либо продала свои возможности обеспечивать разные льготы, доступ к ресурсам, защиту от других (“крышу”) и пр. Бизнес здесь столь же страдательная, сколь и активная сторона. А главное, образовался микс, устойчивое взаимодействие двух субъектов, готовых далее превратиться в один. Исследования показывают: да, есть чистое вымогательство чиновниками взяток у бизнесменов, да, есть чистый подкуп бизнесменами чиновников, но главное – налаженное взаимодействие этих сторон, при котором регулярно поставляемая услуга регулярно же оплачивается, и нет резона искать, кто первый начал или кто более виноват в коррупции.

Точно так же, есть массовое движение бизнесменов во власть, есть массовое движение представителей власти в бизнес. Главным результатом, который, как мне кажется, надо обсуждать – это возникновение особого (по отношению к модели Безансона) состояния общества, общественного строя.

Повторю, это не совсем “военный коммунизм”, поскольку гасить подъем массового малого и среднего предпринимательства, наш новый НЭП, имевший какое-то место и время (“лихие девяностые”!), теперь взялось не только государство, но и крупный бизнес. Это по логике концентрации капитала ему и должно быть свойственно. Но по логике обсуждаемой модели его самого должны бы в эту пору экспроприировать. Его же аппроприируют. И убирать мелких конкурентов крупному бизнесу помогает власть.

Новый строй совсем нов. Те, чьими стараниями он появился, сложился, здесь, с нами. Им не пора еще уходить с миром и не выросла смена, которая их так или иначе уберет. У них нет серьезных классовых врагов, то есть тех, кто также организованы в класс, как они.

Строй взял основу из позапрошлой отечественной истории комбинации из экспорта сырья и импорта всего остального. (Отличие в том, что раньше продовольствие и дешевую рабочую силу ввозить не требовалось, это производилось на месте.) Роль поставщика сырого, простого, природного производителям сложного, культурного, которую предполагает такая историческая комбинация, предполагает одновременно и построение своей идентичности на ценностях своего простого и переживаемой зависти/зависимости от чужого сложного. Сползание к фундаментализму и попытка взять на себя роль полюса консерватизма в отношении рождающего сложности Запада в этом случае закономерны.

Словом, строй нашел себя. Осталось найти ему название. Из сказанного ранее следует, что за название “бюрократический капитализм” найдется немало аргументов. Один из них тот, что в странах “третьего мира” (с недавней историей которых у нашей истории немало тревожащего сходства), известен феномен сращения бюрократии и национальной буржуазии, и определения про “бюрократический капитализм” к таким случаям применяли не раз.

Так-то оно так. Но кажется, что подобное название полностью уводит от исторической особенности нашего строя, которая связана – вернемся к началу – с социализмом. Я имею в виду то, что достаточно цинично называлось “реальный социализм”.

Тень теневого капитализма

Непременными частями социально-экономической системы “реального социализма” были, во-первых, дефицит, во-вторых, блат, а в третьих, так называемая теневая экономика. Ее иногда называли “теневым капитализмом”.

Под этими словами разумелось, в частности, производство продукции на находящихся в государственной собственности предприятиях, доходы от продажи кото-

рой присваивались частными лицами – руководством этих предприятий или лицами, стоящими за ним. Издержки же (приобретение сырья, амортизация оборудования и недвижимого имущества, оплата труда) лежали на государстве как верховном собственнике. В рамках советского строя, социализма, такие практики квалифицировались как преступные, как “расхищение социалистической собственности”.

В современных условиях, как уверяют многие наши респонденты, в государственных корпорациях совершается такая же “национализация издержек и приватизация прибыли”, только при этом никакого нарушения законов не происходит, ибо те, кто имеют интересы в этих корпорациях, заседают в законодательном органе и могут оформить такие отношения в виде законов. Справедливости ради надо сказать, что крупные частные компании, как опять-таки уверяют респонденты, не свободны в распоряжении своими доходами. Помимо официальных налогов, которые они обязаны платить, они обложены разнообразными видами даней и податей, приносимых государству или его агентам.

Из сказанного следует, что мы не имеем дело с “чистым” капитализмом или с полностью свободным рынком, что мыслилось как идеал наиболее радикальной частью сторонников рыночных реформ в 1980-е гг. Мы не имеем и государственного контроля над рынком в тех форматах, в которых этого требовали более консервативные реформаторы. Мы не имеем и “сохранения госсобственности на крупные предприятия”, на чем настаивали противники реформ.

Олигархический капитализм, госкапитализм, а может быть и государственный социализм, ненавидимый классиками “научного социализма”, – все это не вполне адекватные словесные обозначения для существующей политэкономической реальности. Такую форму в пору определить как государственный капитализм теневого типа, но вряд ли такое название удобно для повседневного употребления. Характерно, что эти и подобные им обозначения существующего строя, использующие понятие, слово, “капитализм”, встречаются преимущественно в нарративах критиков этого строя, прежде всего левых. В устах его руководителей и их обслуживающих СМИ он обозначается без употребления этого слова. Наш строй предпочитает обходиться без имени, держаться в тени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Besançon A. Anatomie d'un spectre: l'économie politique du socialisme réel. Paris, 1981.

© А. Левинсон, 2015